

**Linea invisibile: la maternità come pratica artistica
di Anastasia Georgievskaya (Ana Saut)**

“Tutti i grandi sono stati bambini una volta.
Ma pochi di essi se ne ricordano.”
— Antoine de Saint-Exupéry

Invisibili in superficie ma ancora a galla, le artiste-madri esistono in una dimensione diversa: né espositiva né domestica, ma profondamente interiore. Non si tratta di una pausa, bensì di un passaggio verso un nuovo spazio di conoscenza di sé: l’artista, la madre, il bambino. Il filo sottile, quasi impercettibile allo sguardo esterno, che unisce “lei” e “il bambino”, diventa la base stessa dell’enunciazione artistica — come nel progetto *Secondary Childhood* di Anastasia Georgievskaya (Ana South).

Questi progetti nascono parallelamente ai figli — non come illustrazioni della maternità, ma come forma stessa del suo attraversamento. Attraverso disegni, diari e frammenti di quotidianità, essi registrano non soltanto la crescita del bambino — segnata a matita sullo stipite di una porta — ma soprattutto la trasformazione interiore dell’artista. È una storia di onestà, di inseparabilità, del tentativo di parlare con sé stessa e con il bambino attraverso un linguaggio visivo condiviso. È il luogo in cui si manifesta la materia dell’esperienza, dove il legame tra corpo, arte e maternità richiede — e genera — un altro linguaggio.

Uno dei principi fondamentali di Il’ja Zdanevič (Iliazd), poeta e tipografo dell’avanguardia russa, consisteva nell’idea che un autentico gesto artistico fosse impossibile all’interno di un linguaggio esaurito: “Creo una nuova lingua perché quella vecchia non esprime più nulla. È morta. Il linguaggio deve essere come un colpo — inatteso, tangibile, vivo.”

È proprio un simile linguaggio che nasce dall’esperienza della maternità: non logico, ma corporeo; non razionale, ma saturo di sensazioni e ritmi di prossimità. Questa nuova ottica, spesso inaccessibile a chi osserva dall’esterno, genera un caleidoscopio di immagini uniche — dalle minuscole sfere della memoria di *Secondary Childhood* alle installazioni totali di *Place I Always Carry On*, dalle performance subacquee di *Inside* fino al tappeto animato di *The Gift to Inner Child*.

Essere madre nell'arte significa mantenersi costantemente in equilibrio tra presenza e mancanza: di tempo, energia, diritto all'errore. Questa tensione produce un'intensità particolare — dalla vulnerabilità alla tenerezza, dall'ansia all'accettazione incondizionata — e proprio tali stati diventano materiale, e talvolta forma stessa, dell'opera artistica.

È in questo che risiede l'importanza culturale di progetti come quelli di Anastasia Georgievskaya. Essi non rendono semplicemente visibile la maternità, ma trasformano la struttura stessa dell'enunciazione artistica. La maternità qui non è un ostacolo, ma una fonte e un metodo; non un fatto biografico, ma una modalità di pensiero. Non ai margini dell'arte, ma nel suo stesso nucleo.

Dr. Anastasia Stravinsky, curatrice e critica d'arte

ENG

**Invisible Line: Motherhood as an Artistic Practice
of Anastasia Georgievskaya (Ana Saut)**

“All grown-ups were once children... but only few of them remember it.”
— Antoine de Saint-Exupéry

Invisible on the surface yet remaining afloat, artist-mothers exist within a different dimension: neither exhibitionary nor domestic, but profoundly internal. This is not a pause, but a transition into a new space of self-knowledge: the artist, the mother, the child. The fragile and almost imperceptible thread connecting “her” and “the child” becomes the foundation of artistic expression — as in Anastasia Georgievskaya’s (Ana South) project *Secondary Childhood*.

These projects emerge alongside children themselves — not as illustrations of motherhood, but as a lived form of it. Through drawings, diaries, and fragments of everyday life, they record not only the child’s growth — marked in pencil on a doorway — but, above all, the artist’s own inner transformation. This is a story about honesty, inseparability, and the attempt to speak with oneself and with the child through a shared visual language. It is a space where the texture of lived experience unfolds, where the connection between body, art, and motherhood demands — and creates — a different language.

One of the central ideas of Ilya Zdanevich (Iliazd), the Russian avant-garde poet and typographer, was that a true artistic gesture is impossible within an exhausted language: “I create a new language because the old one expresses nothing. It is dead. Language must strike — unexpectedly, physically, alive.”

It is precisely such a language that emerges from the experience of motherhood: not logical, but bodily; not rational, but saturated with sensations and rhythms of intimacy. This new optics, often inaccessible to the outside observer, generates a kaleidoscope of singular images — from the miniature spheres of memory in *Secondary Childhood* to the total installations of *Place I Always Carry On*, from the underwater performances of *Inside* to the animated carpet in *The Gift to Inner Child*.

To be a mother within art means to constantly balance between presence and lack: of time, energy, and the right to fail. This tension produces a particular intensity – from vulnerability to tenderness, from anxiety to unconditional acceptance – and these very states become both the material and, at times, the form of artistic expression itself.

This is precisely the cultural significance of projects such as those by Anastasia Georgievskaya. They do not simply make motherhood visible; they transform the very structure of artistic language. Motherhood here is not an obstacle, but a source and a method; not a biographical fact, but a way of thinking. Not outside art, but at its very core.

Dr. Anastasia Stravinsky, curator, art critic

Невидимая линия: материнство как художественная практика Анастасии Георгиевской (Ана Саут)

«Все взрослые сначала были детьми,
только мало кто из них об этом помнит»

Антуан де Сент-Экзюпери

Невидимые на поверхности, но пребывающие на плаву — художницы-мамы существуют в иной плоскости: не выставочной и не бытовой, но глубинной. Это не перерыв, а переход в новое пространство познания себя: художница, мать, ребёнок. Тонкая, еле ощутимая для чужого взгляда струна, связывающая «её» и «дитя», становится основой художественного высказывания — как в проекте Анастасии Георгиевской (Аны Саут) «Второе детство».

Эти проекты рождаются параллельно с детьми — не как иллюстрации материнства, а как его форма проживания. В рисунках, дневниках, фрагментах повседневности они фиксируют не только рост ребёнка — карандашом в дверном проёме — но прежде всего собственную внутреннюю трансформацию. Это история о честности, о неразделимости, о попытке говорить с собой и с ребёнком на общем визуальном языке. Там, где открывается рельеф опыта, где связь между телом, искусством и материнством требует — и создаёт — иной язык.

Один из ключевых тезисов Ильи Зданевича (Ильязда) — русского авангардиста, поэта и типографа — заключался в том, что настоящий художественный жест невозможен в рамках отжившего языка: «Я создаю новый язык, потому что старый — не выражает ничего. Он мёртв. Язык должен быть как удар — неожиданный, ощутимый, живой».

Именно такой язык рождается из опыта материнства: не логичный, но телесный; не рациональный, но насыщенный ощущениями и ритмами близости. Эта новая оптика, порой недоступная «смотрящему», рождает калейдоскоп уникальных образов — от миниатюрных шариков памяти Secondary Childhood до тотальных инсталляций Place I Always Carry On, от подводных перформансов Inside до ожившего на экране ковра The Gift to Inner Child.

Быть матерью в искусстве — значит постоянно балансировать между включённостью и дефицитом: времени, энергии, права на ошибку. Это напряжение рождает особую интенсивность — от уязвимости до нежности, от тревоги до безусловного принятия — и именно они становятся материалом, а порой и формой художественного высказывания.

В этом и заключается культурологическая значимость таких проектов, как у Анастасии Георгиевской. Они не просто делают материнство видимым, они меняют саму структуру высказывания. Материнство здесь — не препятствие, а источник и метод, не биографический факт, а способ мышления. Не за пределами искусства, а в его самой сердцевине.

Dr. Anastasia Stravinsky, curator, art-critic